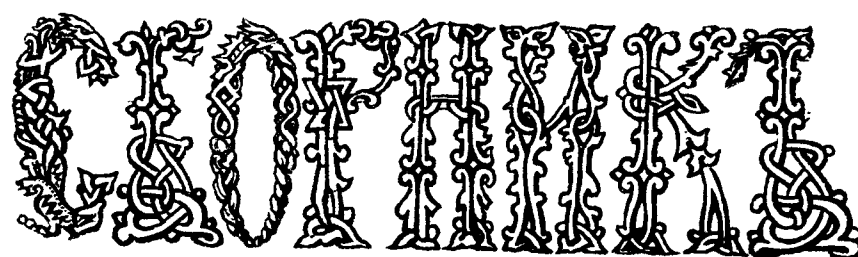
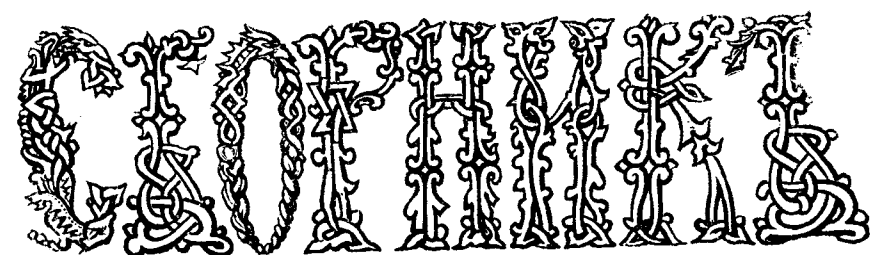

53 - 5 - 1

У $\frac{332}{2}$

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ТРИДЦАТА ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1881

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смерть Д. В. Полѣнова, трудамъ котораго русская историческая наука обязана изданіемъ трехъ первыхъ томовъ матеріаловъ екатерининской законодательной Коммисіи, вызвала нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ печатанія еще не изданной имъ части дневныхъ записокъ Большаго Собранія. По плану, принятому покойнымъ издателемъ, дневныя записки печатались съ нѣкоторыми отступленіями отъ оригинала. Эти отступленія состояли: 1) въ опущеніи нѣкоторыхъ составныхъ частей записокъ, казавшихся издателю неважными; 2) въ замѣнѣ краткихъ извлеченій изъ голосовъ депутатовъ, которыя помѣщались въ дневныхъ запискахъ, подлинными голосами; 3) въ переносѣ свѣдѣній о читанныхъ законахъ изъ отдѣльныхъ записокъ въ одно мѣсто, и наконецъ 4) въ измѣненіи языка какъ дневныхъ записокъ, такъ и подлинныхъ мнѣній депутатовъ: языкъ XVIII в. перелагался на современный. Дневныя записки, печатаемыя въ такомъ видѣ, скорѣе имѣли характеръ самостоятельной работы, чѣмъ изданія историческаго матеріала. Хотя смерть Д. В. Полѣнова и не сдѣлала безусловно невозможнымъ продолженіе начатой имъ работы по тому же плану, но каждый новый издатель, продолжая переработку языка XVIII в., по необходимости придалъ бы своей работѣ особый колоритъ, сообразно съ духомъ своего собственнаго языка. Вслѣдствіе этого, изданіе послѣдующихъ томовъ дневныхъ записокъ непремѣнно было бы лишено единства съ предшествующими. Эта невозможность сохранить единство изданія и обусловила измѣненіе его плана.

Въ засѣданіи совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 20 февраля 1879 г. было опредѣлено печатать памятники екатерининской Коммисіи безъ всякаго измѣненія состава ихъ и языка. Это

П 2283-58

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ члена Общества В. И. Сергѣевича.

рѣшеніе совѣта было утверждено общимъ собраніемъ, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора, 26 марта того же года.

При невозможности продолжать изданіе въ томъ самомъ духѣ, какъ оно начато, лучшимъ выходомъ изъ затрудненія представляется дать читателю подлинный матеріалъ, а не новый опытъ его переработки. Окончаніе дневныхъ записокъ, сравнительно съ началомъ, неизмѣнно потеряетъ въ изяществѣ формы. Читателю придется имѣть дѣло не съ языкомъ Д. В. Полѣнова, всегда одинаково чистымъ и яснымъ, а съ языкомъ людей XVIII вѣка, который очень разнообразенъ, смотря по мѣсту рожденія депутата, его образованію и темпераменту, и далеко не всегда ясенъ и даже грамотенъ. Но въ качествѣ историческаго матеріала конецъ можетъ выиграть передъ началомъ. Для исторической науки нѣтъ мелочи, которую можно было бы выбросить изъ лѣтописи. Что на глазъ одного изслѣдователя неважно, то можетъ дать другому характерную черту для картины прошлаго. Спасти эти на первый взглядъ неясныя и смутныя очертанія прошлаго отъ гибели и составляетъ одну изъ задачъ дѣятельности Историческаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Большой Коммисіи производились очень часто баллотировки для избранія членовъ въ многочисленныя частныя коммисіи, которымъ поручалась предварительная разработка проектовъ по разнымъ вопросамъ законодательства. Баллотировочные листы съ обозначеніемъ числа избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ постоянно заносятся въ дневныя записки. Покойный издатель не находилъ нужнымъ печатать ихъ, и они всѣ опущены въ той части дневныхъ записокъ, которая была уже заготовлена имъ для печати и передана въ распоряженіе общества почти наканунѣ его смерти. Конечно, это матеріалъ до крайности сухой и совсѣмъ непригодный для чтенія. Но для исторіи и онъ можетъ дать нѣкоторыя указанія, не лишенныя значенія.

Мнѣнія, которыя высказывали депутаты въ Большомъ Собраніи, впервые дали имъ случай выдвинуться и сдѣлаться замѣтными. Эти мнѣнія, конечно, не оставались безъ вліянія на исходъ баллотировокъ. Мы встрѣчаемся иногда съ весьма знаменательными въ этомъ отношеніи повышеніями и пониженіями числа избирательныхъ шаровъ.

Въ засѣданіи 5 мая Григорій Коробьинъ, артиллеріи поручикъ и

депутатъ Козловскаго дворянства, подалъ свой извѣстный голосъ въ улучшеніе быта крѣпостныхъ. Въ томъ же засѣданіи, только нѣсколько минутъ спустя, происходило баллотированіе членовъ въ коммисію для разсмотрѣнія порядка сборовъ и расходовъ; Коробьинъ получилъ 174 избирательныхъ шара изъ 287. Только одинъ кн. Алексѣй Волконскій, баллотировавшійся въ тотъ же день, получилъ тремя голосами болѣе Коробьина; остальные 10 кандидатовъ получили значительно менѣе, пятеро изъ ихъ числа не получили даже и по 100 избирательныхъ голосовъ. Въ большинствѣ 174 голосовъ нельзя не видѣть нѣкотораго одобренія образа мыслей Коробьина. Если бы его рѣчь, только что произнесенная, не понравилась значительному большинству, трудно думать, чтобы это большинство упустило случай заявить ему свое неодобреніе черными шарами. 14 мая происходила новая баллотировка членовъ въ Коммисію о рудокопаніи, сбереженіи лѣсовъ и торговлѣ; на этотъ разъ Коробьинъ получилъ 260 избир. изъ 306. Такого числа бѣлыхъ въ этомъ засѣданіи никто не получилъ. Наибольшее число избир. шаровъ, полученныхъ слѣдующимъ за Коробьинымъ депутатомъ, не превышаетъ 172. Но большинство 260 голосовъ изъ 306 и вообще, независимо отъ настоящаго засѣданія, представляетъ рѣдкость въ баллотировкахъ Коммисіи. При разрозненности членовъ собранія, голоса обыкновенно дѣлятся гораздо ровнѣе. При избраніи маршала гр. Ив. Гр. Орловъ получилъ всего 278 бѣлыхъ изъ 428, а братъ его Григорій только 228. Въ виду этого большинство 260 голосовъ можно разсматривать какъ рѣшительную демонстрацію въ пользу Коробьина. Девять дней тому назадъ онъ подалъ голосъ, который не могъ не возбудить большихъ толковъ между депутатами. Сторонники крѣпостнаго права поспѣшили выступить съ своими опроверженіями. 12 мая Коммисія выслушала разомъ три голоса, направленныхъ противъ доводовъ Коробьина. Естественно, онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Баллотировка 14 мая показала, что отношеніе большинства не было къ нему враждебно; не было оно враждебно, слѣдовательно, и къ его мысли улучшенія быта крѣпостныхъ.

16 мая происходила баллотировка членовъ въ коммисію духовно-гражданскую. Между другими баллотировался и Григорій Бровцынъ, представитель Трубчевскаго дворянства; онъ получилъ 116 избир. и 177 неизбир. Такой исходъ баллотировки нельзя разсматри-

вать, какъ что-либо выдающееся: нѣкоторые изъ его конкурентовъ получили бѣлыхъ еще менѣе. 21 мая Бровцынъ выступилъ противникомъ Коробкина и въ своемъ голосѣ доказывалъ, что предлагаемая имъ мѣра «клонится только къ большому разрушенію покоя и блаженства нашего». Въ послѣдовавшей черезъ день баллотировкѣ Бровцынъ получилъ только 76 избир. и 190 черныхъ. На этотъ разъ никто не получилъ такъ мало бѣлыхъ. Забаллотированіе Бровцына получаетъ вслѣдствіе этого нѣсколько исключительный характеръ. Въ виду крѣпостнаго вопроса, занимавшаго въ эти дни депутатовъ, 40 потерянныхъ имъ голосовъ нельзя не приводить въ связь съ его отстаиваніемъ неприкосновенности стараго порядка вещей, который, надо думать, не находилъ большого сочувствія среди его слушателей.

Такимъ образомъ самая сухая и совсѣмъ неудобная для чтенія часть дневныхъ записокъ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на настроеніе большинства членовъ собранія. Это тѣмъ болѣе важно, что настроенію большинства, благодаря установившимся въ собраніи порядкамъ, вовсе не представлялось случая высказаться болѣе прямымъ и рѣшительнымъ образомъ.

Порядокъ изданія, котораго держался покойный Д. В. Полѣновъ, имѣетъ свои хорошія стороны. Онъ устраняетъ необходимость печатанія голосовъ въ видѣ особаго приложенія и неизбѣжныя при этомъ повторенія. Вниманіе читателя не развлекается длинными баллотировочными листами, перечнемъ читанныхъ законовъ, занимающимъ иногда цѣлыя страницы, и однообразно повторяющимися распоряженіями маршала. Но при такомъ способѣ изданія остается не вполне яснымъ, какъ воспользовались составители дневныхъ записокъ депутатскими голосами; что дѣлали депутаты помимо чтенія своихъ примѣчаній; опущеніе же распоряженій маршала лишаетъ возможности судить о томъ, какое направленіе давалъ онъ ходу занятій, и ставить его нѣсколько въ тѣнь, тогда какъ онъ былъ душою всего дѣла. Картина получается не совершенно полная.

Императрица Екатерина придавала большое значеніе дѣлу составленія дневныхъ записокъ. По Обряду управленія Коммисіи «дневную записку сочиняютъ и ведутъ подъ дирекціей генераль-прокурора и предводителя депутатскаго» особо къ тому назначенныя лица изъ дворянъ. Во главѣ этихъ дворянъ императрица поставила дѣйствительнаго

камергера гр. А. П. Шувалова, назначеннаго директоромъ дневной записки. Въ наставленіи ему она говоритъ: «дневная записка или журналъ устанавливается въ видѣ такомъ, чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли о умоначертаніи сего вѣка: слѣдовательно найти могли тѣ правила, кои имъ въ наставленіе служить будутъ, и отъ коихъ много зависитъ твердость нашего нынѣшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло, если бы не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ». Эти три лица, генераль-прокуроръ, маршалъ и директоръ, сидѣли вмѣстѣ за особымъ столомъ и должны были постоянно совѣщаться о ходѣ преній и порядкѣ занесенія ихъ въ журналъ. Подпись депутатовъ подъ запиской не требовалась, она скрѣплялась единственной подписью директора, гр. Шувалова. Составители записки не были пассивными зрителями пропеходящаго: по Обряду управленія они давали направленіе занятіямъ, они же вели имъ и лѣтопись. Всѣ мелочи записки имѣютъ, такимъ образомъ, важное значеніе для характеристики дѣятельности руководителей собранія. Что говорили депутаты,—это ихъ личный вносъ въ дѣло законодательной Коммисіи; содержаніе же записки—это памятникъ того отношенія къ дѣлу законодательства, которое проявили лица, поставленные во главѣ его.

По Обряду управленія, держатели дневныхъ записокъ должны были вносить въ нихъ: «1. Дѣло вкратцѣ, кое читаютъ. 2. Разсужденіе, кто что говорилъ. 3. Тихо ли въ покоѣ. 4. Кто въ какомъ часу вошелъ и кто вышелъ. 5. Какъ долго читанное дѣло продолжалось. 6. Какъ долго разсуждали. 7. Кто съ кѣмъ спорилъ. 8. Кто мысль перемѣнялъ. 9. И наконецъ, на чемъ осталось и какое сдѣлано положеніе, и по какимъ правиламъ, или безъ всякихъ». По Обряду, слѣдовательно, предполагалось, что въ результатѣ засѣданій должны получиться «положенія».

Эта программа далеко не вся была выполнена. Особенная тщательность исполненія выпала на долю 5 пункта. Составители записокъ усердно отмѣчаютъ часы и минуты, въ теченіи которыхъ продолжалось чтеніе записки предшествовавшаго засѣданія, законовъ, мнѣній депутатовъ и пр. Но другіе пункты, несомнѣнно болѣе важныя «для твердости нашего нынѣшняго зданія», не только не были исполнены, но и поняты—то нѣкоторые изъ нихъ были совершенно превратно.